

САСКИЯ КАЛДЕН

КУК^ОЛЬНЫЙ ЛЕС

INSPIRIA
Москва

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44
К17

Saskia Calden
DER PUPPENWALD

Copyright © der deutschsprachigen Ausgabe 2024

By Saskia Calden

This edition is made possible under a license arrangement originating
with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration
with Synopsis Literary Agency

Калден, Саския.

К17 Кукольный лес / Саския Калден ; [перевод с немецкого Ю. Алтенгоф]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Tok. Триллеры от мастера жанра).

ISBN 978-5-04-238119-5

Для юной Джессики поездка в город оборачивается кошмаром, когда ее похищает незнакомец. Она приходит в себя в уединенной хижине, окруженной густым лесом. И очень скоро девушка понимает, что ей следует бояться вовсе не мужчину. Он всего лишь исполнитель, а настоящее зло скрывается под маской... маленькой девочки. Теперь Джессика вынуждена играть роль живой куклы. За любой ошибкой следует наказание. И каждое суровее предыдущего. Но то, что ждет ее в подвале, оказывается куда страшнее любой игры.

Комиссар Эвелин Хольм, которая ведет дело Джессики, уверена, что за похищением стоит гораздо больше, чем считают ее коллеги. Преступник подозрительно много знал про девушку и ее семью. Неужели ему известно, куда пропала мать Джессики и правда про гибель ее отца? Все новые детали этой жуткой истории вызывают у Эвелин лишь больше вопросов. И самый главный — как Джессике удалось вырваться из этого ада?

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44

© Алтенгоф Ю., перевод на русский
язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-238119-5

Судьба тасует карты, но играешь ты сам.

Артур Шопенгауэр

ГЛАВА 1

ДЖЕССИКА

Мой отец всегда говорил, что мы определяем свою судьбу своими мыслями и поступками. Но теперь-то я знаю, что это лишь половина правды. Наши действия влияют не только на нашу собственную судьбу, но и на судьбы окружающих. Поэтому может так случиться, что кто-то войдет в твою жизнь и просто разрушит ее. Лишь тем, что просто что-то делает.

С тех пор как я сижу в этой комнате и жду, у меня потеют ладони. По другую сторону стола стоят два стула для людей, которые хотят знать, что же со мной произошло. Я решила рассказать им все. Они узнают, кто разрушил мою жизнь. Они узнают абсолютно все.

Я по-прежнему одна в комнате. Прямо передо мной на побеленной стене висит большая картина в желтых тонах с зелеными и оранжевыми разводами. Наш учитель рисования сказал бы, что работе не хватает выразительности. Мне же, напротив, кажется, что картина призвана не поражать, а создавать ощущение уюта, чтобы таким свидетелям, как я, было проще говорить. Очевидно, они старались по максимуму скрасить это скудное пространство. Серый ковер, видимо, новый,

потому что пахнет химикатами и резиной, а рядом с окном, выходящим на замерзший пруд, стоит небольшая пальма. Хотя я не уверена, что она настоящая. У папы в кабинете стояла точно такая же, однако ее листья были далеко не такими зелеными. Зато его кабинет был намного красивее, чем этот. С большими шкафами, заставленными книгами, и кожаным креслом светло-коричневого цвета, на потертом сиденье которого я вечно елозила штанами, пока папа корпел над бумагами своих клиентов.

Я зажмуриваюсь, пытаюсь прогнать воспоминания и внезапно нахлынувший запах кожи. Долгое ожидание сводит меня с ума, в голову лезут мысли, которые по-прежнему причиняют боль и заставляют злиться. Так и хочется заглянуть в светло-коричневую папку, лежащую на другом конце стола, но, скорее всего, в комнате ведется видеонаблюдение. Хотя я пока ничего подобного не обнаружила, но знаю, что существуют крошечные камеры, которые можно спрятать в корешках книг или искусственных растениях. Впрочем, лучше мне не знать, что в этой папке написано обо мне. Я все равно не смогу изменить то, что произошло.

Наконец я слышу звук открывающейся двери. Я оборачиваюсь. Входит Эвелин Холм — женщина-полицейский. Она совсем не похожа на обычных полицейских. На ней нет формы, лишь серый брючный костюм. Ее темно-русые волосы собраны в пучок. С этой прической она выглядит старше, нежели вчера, когда волосы были распущены.

Она бросает на меня быстрый взгляд, кивает, снова отворачивается и обращается к кому-то за дверью.

— Тереза, передайте, пожалуйста, Болте, что я его жду.

Поблагодарив ее кратким «спасибо», Эвелин закрывает дверь.

Когда она подходит ко мне, до меня доносится легкий кремовый аромат ее парфюма. Ее губы расплываются в широкой улыбке.

— Привет, Джессика. Я Эвелин, — говорит она, хотя вчера уже представилась, пусть и мельком.

Она протягивает мне правую руку с поблескивающим обручальным кольцом на пальце, которое стоит явно недешево. Я встаю со стула и отвечаю на рукопожатие. Моя ладонь все еще влажная — я сильно волнуюсь. Я все еще не знаю, что думать об Эвелин, и сомневаюсь, смогу ли вообще пройти через все это. Эвелин выглядит очень опытной, заметно, что она каждый день работает с незнакомыми людьми, у которых случилось что-то плохое.

Женщина обходит стол и кладет на него свой маленький черный блокнот. Когда она садится и берет в руки ту самую светло-коричневую папку, каждая клеточка моего тела напрягается. Эвелин пролистывает несколько страниц и снова откладывает ее, словно заметив мое напряжение. А может, она закрыла папку лишь потому, что уже и так знакома с ее содержимым. Знает то, что я вчера рассказала ее коллегам. И, скорее всего, все остальное, что касается меня и моей насыщенной жизни.

Я меняю позу, мне хочется нарушить молчание каким-нибудь вопросом, но в голову не приходит ничего путного.

— Хорошо, что ты пришла сюда, — говорит она, положив руки на стол и переплетя пальцы.

— Надеюсь, что так, — отвечаю я. Я хочу, чтобы она узнала, что он сделал, хочу, чтобы она нашла его и наказала. Это единственная причина, по которой я здесь. Мне нужна уверенность — и чтобы все это наконец закончилось.

Спустя секунду дверь снова открывается, и я слышу за спиной голос комиссара Болте.

— Простите, но эти проклятые бездомные устраивают свои притоны именно там, где они меньше всего нужны.

Я оборачиваюсь и вижу его мускулистую фигуру, черные волосы, зачесанные назад, квадратные плечи и серьезный, колющий взгляд. В моей памяти он был выше, однако с нашей последней встречи прошло уже пять лет. Тогда я была ребенком. Хотя и сейчас, когда мне шестнадцать, они наверняка все еще видят во мне ребенка.

Как только он узнаёт меня, в его взгляде появляется смесь замешательства и удивления. Я непроизвольно касаюсь головы, чувствуя под пальцами миллиметровую щетину и быстро убираю руку. Так и хочется ему сказать, чтобы не смотрел на меня так. Но я ни в коем случае не хочу показаться невежливой. Меня достаточно долго учили принимать то, что происходит со мной. Иногда я задаюсь вопросом, меняется ли характер человека, самая его суть со временем, если он долго подвергается авторитарному воспитанию. Или же эта покорность — в конечном счете лишь приобретенный рефлекс, неосознанное поведение, чтобы защититься от последствий?

— Джессика, это мой коллега, комиссар Болте, — представляет его Эвелин.

Видимо, она не в курсе, что мы уже знакомы. Хотя это должно быть в моем деле. Или она думает, что я его не помню.

— Здравствуй, — коротко бросает комиссар.

Терпкий запах его лосьона после бритья перебивает нежный аромат Эвелин и запах ковра. Когда Болте проходит мимо меня к своему месту, я замечаю небольшое пятно на его брюках. Знает ли он о нем? Мама бы тут же ему на это указала. Она не раз говорила мне, что появляться в обществе неопрятным неприлично. Она придавала огромное значение чистоте. И тому, что о ней думают другие.

Внезапно это пятно начинает меня раздражать, хотя я его уже и не вижу, потому что его скрывает стол. Но достаточно просто знать, что оно есть.

Болте садится, и кресло тихо скрипит под его весом.

Эвелин дарит мне улыбку — словно некое обещание: «Не бойся, у нас есть опыт работы с молодыми людьми, пережившими ужасные вещи. Ты в надежных руках. Мы сделаем все, чтобы тебе помочь».

Надеюсь, это правда.

ГЛАВА 2

ЭВЕЛИН

Девочка явно нервничает. Это заметно по ее взгляду, блуждающему по комнате. Она словно ищет что-то, за что бы зацепиться.

Я разглядываю нежное лицо Джессики, тонкие изогнутые губы, маленькую родинку на подбородке, темные внимательные глаза, в которых читается боль. Каждые несколько секунд ее хрупкие плечи напрягаются под свитером. Видимо, она сжимает руки под столом. Она еще так юна, но уже успела пережить столько ужасного. Мне жаль ее. Должно быть, ей невероятно тяжело снова вспоминать все, через что она прошла. Чутье подсказывает мне, что Джессика нам пока еще не совсем доверяет. Но для меня важно, чтобы она чувствовала себя в безопасности и что ее понимают, чтобы она смогла рассказать нам все, не сдерживаясь.

От коллег, которые вчера занимались этим делом, я узнала лишь самый минимум. Джессика постучалась в дверь дома у подножия Фельдберга¹, растерянная и дрожащая от холода. На ней были порванное красное платье в белый горошек и одни лишь носки, промокшие и перепачканные грязью, волосы коротко острижены, голые ноги исцарапаны.

Хозяин дома, пенсионер лет восьмидесяти, укутал девочку в шерстяное одеяло, чтобы согреть, и сразу же отвез ее в детский приют Святой Варвары, где она живет.

Джессика пропала три недели назад. Я хорошо помню ее поиски. Сначала ее искали в магазинах и залах с игровыми автоматами, потом в барах и клубах — местах, куда шестнадцатилетние подростки иногда ходят без спроса, — потому что руководство дома причисляло

¹ Высочайшая вершина Шварцвальда, горного массива на юго-западе Германии, на территории земли Баден-Вюртемберг. (Здесь и далее прим. пер.)

Джессику к тем, кто не всегда соблюдает правила. Она не по годам взрослая и самостоятельная, но в то же время бунтарка. Она уже не раз сбегала, правда, отсутствовала не больше суток. Говорят, что именно поэтому заявление в полицию подали лишь через три дня — что меня, честно говоря, очень удивило, поскольку в моем понимании забота о подопечных означает нечто иное.

После того как поиски ни к чему не привели, а спустя еще несколько дней Джессика так и не объявилась, мы прочесали все окрестные поля и леса. О ее исчезновении сообщали даже в местных новостях, но никаких следов девочки не было. Спустя еще неделю мы не исключали, что с ней случилось самое страшное и, возможно, ее уже нет в живых. К счастью, Джессика оказалась жива, но, вероятно, мы скоро узнаем, насколько все ужасно было на самом деле.

Сестра Агата, директор приюта, привезла ее к нам вчера. Я заверила женщину, что мы сделаем все возможное, чтобы поймать похитителя. Джессика нашла в себе силы дать показания, и я сделаю все, чтобы сдержать свое обещание. Даже несмотря на работу с психологом, ближайшее время будет для девочки непростым, ведь на допросах ей снова и снова придется переживать все, что с ней случилось.

— Я понимаю, что тебе страшно. — Я ловлю ее взгляд, пытаюсь растопить лед.

Из-за темных кругов под глазами Джессика выглядит изможденной, но я все еще вижу в ней бойца. То, что она не сдалась и смогла сбежать от своего палача,

говорит о многом. Для этого нужны решимость и сильная воля.

— Я просто хочу, чтобы все это закончилось, — тихим, но твердым голосом говорит она.

— Мы тоже этого хотим, именно поэтому так важно, чтобы ты рассказала нам все. Каждая, даже самая незначительная деталь имеет значение.

Джессика кивает.

Болте прочищает горло:

— Госпожа Хольм пытается донести, что мы сможем заняться этим делом, только если у нас будет достаточно информации.

Я смотрю на него искоса и уже открываю рот, чтобы ответить, но затем решаю промолчать. Не при девочке и не сейчас. Он пытается меня спровоцировать и не понимает, что выставляет в дурном свете не только меня, но и Джессику. Его бесит, что наш начальник Герстхоф поручил это дело мне, а не ему. Это бьет по его самолюбию. С тех пор как я год назад перевелась в этот участок, чтобы не мотаться каждый день из Фрайбурга в Штутгарт¹, Болте обращается со мной как с малолетней. Не знаю, в чем дело: в том, что он боится позволить коллеге лишить его куска хлеба, или в том, что я работаю здесь не так долго, как он. А может, он просто чувствует, что его власть под угрозой. В течение десяти лет он был здесь главным, а потом появилась я — рьяный следователь из богатой семьи, которая хочет делать все правильно. Которая дважды переворачивает

¹ Административные округа земли Баден-Вюртемберг: Фрайбург находится на юго-западе, а Штутгарт — на северо-востоке.

все камни, чтобы ничего не упустить. Которая даже ночью, лежа в постели с мужем, думает о делах. Которая чувствует, что должна каждый чертов день что-то доказывать своим коллегам.

Я делаю глубокий вдох, подавляя едва сдерживаемое раздражение. Сейчас речь не обо мне и не о Болте. Мои проблемы смехотворны по сравнению с проблемами Джессики. Она ждет от меня помощи, и я помогу.

— Хочешь рассказать нам, что произошло? — спрашиваю я. — И, конечно, ты в любой момент можешь сказать, если тебе понадобится перерыв.

Она кивает и смотрит в окно. Судя по взгляду девочки, она следит за снежинками, что опускаются на поверхность пруда и тают в воде.

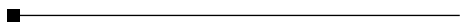
— С чего мне начать?

— С чего захочешь.

Какое-то время Джессика молчит, словно ей нужно собраться с духом и открыть дверь в свои воспоминания.

— Я проснулась в кровати, — наконец начинает она, не отрывая взгляда от окна, — которая была слишком мала для меня...

ГЛАВА 3

ДЖЕССИКА

...которая была настолько маленькой, что я могла лежать в ней, только согнув ноги. Стоило их выпрямить, как пальцы упирались в белый деревянный бортик, на угловых стойках которого красовались резные шарики.